

Мария А. Ширинкина (Пермь)

Интерпретационный дискурс в правовой сфере общения

✦ Ключные речи:

дискурс, дискурсивный анализ, коммуникативная ситуация, социокультурный контекст, междисциплинарные связи, толкование закона, вид духовной деятельности.

Чланак представља покушај да се опише феномен тумачења права као посебног типа дискурзивне делатности. Основни дискурзивни параметри тумачења права су статусно-ритуалне карактеристике и комуникативно-когнитивне радње комуниканата, а такође услови стварања текста, форма комуникације, институционална природа правног дискурса, стереотипи говорног понашања и везе са историјским и културним контекстом.

Изучение текста в дискурс-анализе связано с решением вопроса о том, каким образом «внешние по отношению к тексту особенности коммуникативного процесса» (Чернявская 2003: 54) (участники коммуникации, их статусно-ролевые характеристики и коммуникативно-познавательные действия, а также особые условия производства текста) отражаются в языковой и смысловой организации текста, формируя его. И хотя сегодня дискурсивный подход широко применяется в общественных и

гуманитарных науках, каждый исследователь анализирует материал по-своему – в зависимости от целей и задач, которые он ставит перед собой. При этом оказывается, что «исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами (в той мере, в какой они могут быть отчетливо идентифицированы), стилистической спецификой (во многом определяемой количественными тенденциями в использовании языковых

Система 2009

средств), а также спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д. [...]» (Кругосвет).

44

Из множества определений дискурса нам более всего импонирует следующее: Дискурс – это «текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте» (Чернявская 2006: 77–78). Из этого определения легко вычлняются конститутивные признаки, которые необходимо учитывать при дискурсивном анализе: социальные, культурно-исторические и др. факторы, автор, его коммуникативно-прагматические и когнитивные установки, характер отношений с адресатом, адресат и обусловленную этим совокупность составляющих текст языковых единиц разных уровней.

Рассматривая различные подходы к анализу дискурса, Л. Филлипс и М. В. Йоргенсен делают вывод о том, что дискурс-анализ «должен быть сосредоточен на (1) лингвистических особенностях текста (текст), (2) процессах, касающихся продуцирования и восприятия текста (дискурсивная практика), и (3) более широкой социальной практике, которой принадлежит коммуникативное событие» (Филлипс, 2004: 111). Эти этапы анализа мы используем в качестве основы, однако считаем необходимым изложить их в обратном порядке, следуя от социальной практики (сферы деятельности людей) к процессам продуцирования и восприятия текста и вытекающим из всего этого

лингвистическим особенностям текстов. Именно такая логика изложения материала позволит, на наш взгляд, «сделать прозрачными отношения между функционированием тех или иных языковых средств и форм и соответствующими институциональными структурами» (Чернявская 2002: 135).

Изложим нашу точку зрения относительно феномена толкования права как особой дискурсивной формации и выделим его специфические – дискурсивные – параметры, за которыми встает «особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – *особый мир* (Выделено нами. – М. Ш.)» (Степанов 1995: 44).

Анализ литературы, посвященной проблемам дискурсивного исследования текстов, показывает, что для описания социальной практики, «необходимо основываться на научной дисциплине или на дисциплинах, которые изучают интересующую нас социальную область» (Филлипс 2004: 125). Так, изучением юридического дискурса занимаются юристы, психологи, философы, экономисты, лингвисты. Иначе говоря, юридическое мышление, юридическое действие и языковая форма их выражения являются объектом междисциплинарных исследований. Преследуя цель описания интерпретационного дискурса правовой сферы общения в современной России, мы будем опираться на достижения и выводы, сделанные исследователями смежных областей науки – правоведения, политологии, экономики и др.

Прежде всего отметим, что юридический дискурс – форма *институционального* общения юристов в их профессиональной деятельности. Речевая деятельность в сфере права разнообразна.

Она включает в себя законотворчество, составление документов, устное общение в процессе реализации права, деятельность по истолкованию законодательных актов, их разъяснению и мн.др. В праве как сфере духовной культуры правоведы (С. С. Алексеев, С. Н. Братусь, Н. Н. Вопленко, В. Н. Карташов, А. С. Пиголкин, Т. Я. Хабриева, А. Ф. Черданцев и др.) выделяют такие частные виды духовной деятельности: правотворческую (или законотворческую), интерпретационную, правоприменительную, консультативную, судебную и др. Все перечисленные виды деятельности являются частными разновидностями дискурса правовой сферы общения. В результате любого из названных видов деятельности образуется особая группа текстов, каждая из которых имеет свое назначение и определенную цель.

Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что правоинтерпретационный дискурс (толкование правовых норм) является частной разновидностью юридического дискурса. При этом «под толкованием понимается, с одной стороны, определенный мыслительный (познавательный) процесс, направленный на объяснение знаковой системы, а с другой – результат этого процесса, выраженный в совокупности высказываний естественного языка, придающих указанной системе определенное значение (смысл)» (Черданцев 1979: 5). Иначе говоря, толкование закона с неременностью включает два этапа: (1) уяснение – раскрытие содержания (интерпретация) юридических норм «для себя» и (2) разъяснение – раскрытие содержания (интерпретация) юридических норм «для других». Причем содержание закона устанавливается «для его практической реализации» (Алексеев 1981: 290).

Непосредственным предметом интерпретационной деятельности в сфере права выступает правовая норма – правило целесообразного общественного поведения субъектов права при определенных обстоятельствах. Для того чтобы практически реализовать нормы права, необходимо раскрыть содержание нормативного предписания – «обеспечить полноту и точность выражения воли, содержащейся в актах, ее полное раскрытие» (Алексеев 1981: 293).

Очень важным, на наш взгляд, является следующее замечание В. Н. Карташова: «Наряду с правотворчеством, практикой реализации и систематизации права она (правоинтерпретационная деятельность) занимает одно из ведущих мест в правовой системе общества» (Карташов 1998: 11). Иными словами, правоинтерпретационная деятельность ни в коем случае *не является вспомогательным* компонентом в правовой сфере общения. Толкование закона с учетом достижений современной правоведческой науки и практики содействует более глубокому пониманию истинного смысла норм права, повышает уровень правовой культуры граждан, обеспечивает единообразное правоприменение, способствует совершенствованию законотворческой деятельности государственных органов.

Как уже было сказано, юридический дискурс является институциональным. Будучи частью юридического дискурса, интерпретационный дискурс в сфере права также институционален по своей природе. Это означает, что хотя бы одним из коммуникантов всегда выступает общественный институт – государственный орган, организация, учреждение и т.д. В каждом конкретном случае взаимодействующими сторонами коммуникативной ситуации могут выступать

представители органов государственной власти и граждане, практикующие юристы и граждане, граждане и граждане. При этом уровень специальных юридических знаний субъекта речи значительно превышает знания адресата, вследствие чего возникает необходимость передать эти знания неспециалисту в понятной, доступной для него форме. В идеальном случае (если коммуникация состоялась) адресат в результате общения получает вариант/-ты законного поведения субъекта права в той или иной правовой ситуации.

Важно то, что, с точки зрения приверженцев дискурсивного анализа, «говорящий не является абсолютным хозяином высказывания, так как сам в процессе речевой деятельности зависит от целого ряда экстралингвистических факторов, условий протекания речи и предшествующего контекста как социально-исторического, так и лингвистического» (Кожина 2004: 13–14). И это особенно ярко проявляется в юридической сфере. Субъект речи выступает здесь не как индивидуальность во всем многообразии речевых проявлений, а как должностное лицо, служащий государственных органов и, следовательно, проводник и глашатай идей государства, а не своих личных амбиций. Лишь в некоторых ситуациях появляется возможность высказать свою точку зрения на ту или иную правовую ситуацию, использовать при этом нетрадиционные устойчивые обороты и фразы. Так, человек, создающий постатейный комментарий к закону, выражает свое мнение (а это нехарактерно для юридической сферы!) относительно значимости правовых установок, практикующий юрист дает совет гражданину о том, как лучше (а не как надо!) поступить в спорной ситуации.

В зависимости от того, кто является субъектом интерпретации, выделяют разные виды толкования права: официальное и неофициальное, доктринальное, компетентное и обыденное.

Официальное толкование осуществляется органами государственной власти, судебными органами или должностными лицами. В результате официального толкования издается специальный акт толкования, имеющий юридическую силу.

Неофициальное толкование осуществляется государственными органами или отдельными гражданами, не обладающими полномочиями толковать правовые акты. Субъекты неофициального толкования законов: адвокаты, ученые-правоведы и научные организации – стремятся помочь тому или иному человеку, выступающему в роли участника различных правовых отношений. Субъекты неофициального толкования создают постатейные комментарии к законодательным актам, консультируют граждан по тем или иным правовым вопросам, участвуют в различных дискуссиях на правовые темы. Тексты, созданные в результате неофициального толкования, отличаются ярко выраженной субъективностью и чаще всего имеют форму рекомендации, совета.

Значимой особенностью речевого поведения интерпретатора оказывается *модальность* создаваемого текста, выражаемая в «степени близости или вовлеченности (или, наоборот, отстраненности) говорящего по отношению к своему высказыванию» (Филипс 2004: 134–135). Речевые формулы могут отражать стремление автора текста акцентировать /или преуменьшить обязательность выполнения предписаний и тем самым предложить адресату альтернативные вариан-

ты поведения. Например, высказывание «Если налогоплательщик обратится в арбитражный суд за защитой своих прав, то ему необходимо...» представляет категоричное предписание правил поведения другому человеку, в то время как высказывание «В случае если налогоплательщик все-таки решится обратиться в арбитражный суд за защитой своих прав, то можно порекомендовать...» выражает меньшую категоричность, формулируется как совет, рекомендация.

Как видим, действия субъекта речи в коммуникативной ситуации толкования закона заключаются в понимании исходного текста, его интерпретации и создании на его основе нового текста. Чрезвычайно важным является тот факт, что в одних текстах-интерпретациях процесс уяснения эксплицируется (автор общается читателя к движению мысли), в других – отражаются только результаты процесса понимания правовой нормы автором: 1) «Прежде всего разграничим понятия трудовых договоров и договоров гражданско-правового характера... Существуют и другие различия этих видов договоров... Следовательно, необходимость оформления приказа на совместителей при приеме на работу также очевидна» и 2) «Для целей налогообложения днем появления источника дохода следует считать день постановки на учет физического лица в налоговом органе в качестве налогоплательщика».

Опираясь на классификацию видов коммуникации, предлагаемую В. Б. Кашкиным (интраперсональная, межличностная, групповая и массовая), мы относим интерпретационную деятельность в сфере права к межличностному общению. Действительно, в ситуации правотолкования если даже собеседник не индивидуализирован, автор всегда подразумевает

какого-то адресата и ориентирует на него свой текст (Кашкин 2006: 45–46).

Адресат текстов толкования закона (как и субъект толкования) вариативен. Это могут быть нижестоящие подразделения органов государственной власти, общественные организации, отдельные граждане и мн.др. Адресат является полноправным участником коммуникативной ситуации толкования. Он предъявляет к тексту определенные требования, которые субъект толкования должен учитывать, если стремится к эффективной коммуникации. При этом говорящий должен всегда учитывать степень осведомленности слушателя о предмете высказывания.

Более того, любая юридическая деятельность «относится к такому типу социально-преобразующей деятельности, который означает обработку людей людьми» (Карташов 1989: 13). Однако если законодательные тексты имеют целью воздействовать на адресата (его поведение), то тексты толкования законодательных актов предполагают взаимодействие интерпретатора с адресатом. Интерпретатор предлагает адресату последовательно (постепенно) подойти к смыслу правовой нормы, вывести этот смысл посредством определенных шагов. Иными словами, фактор адресата влияет на определенный тип содержания текста, способы его раскрытия, соответствующий отбор языковых средств.

Интерпретация как вид деятельности обуславливает особую природу создаваемых текстов – вторичность и, как отражение ее в речевой ткани текста, категорию *интертекстуальности*, так как всегда строится на предыдущих текстах и событиях, опирается на них. По нашему мнению, интертекстуальность текстов толкования обусловлена системностью

правовой базы, и поэтому действительное содержание нормы права чаще всего выводится только на основе анализа других, логически связанных с нею норм, которые могут сужать или расширять это содержание. Прецедентными текстами правоинтерпретационного дискурса являются основные законы государства (Конституция и кодексы), значимые для каждого конкретного случая документы и, наконец, учебники и монографии авторитетных ученых-правоведов. Дискурсивные формулы интертекстуальности представляют собой различного рода устойчивые выражения, присущие данному виду дискурса: *Согласно статье...*, *В Уголовном Кодексе РФ ... понимается как...* и т.д. При этом само интертекстуальное включение представляет собой дословную цитату соответствующего фрагмента из текста-источника: «Частью 1 статьи 19 Кодекса установлено, что налогоплательщиками и плательщиками сборов признаются *организации и физические лица, на которых в соответствии с Кодексом возложена обязанность уплачивать соответственно налоги и (или) сборы*».

Как известно, в профессиональном общении важную роль играют нормы, а также конкретные формы и методы взаимодействия людей, *стереотипы речевого поведения*. Поэтому, описывая дискурс, исследователи говорят о типичных, образцовых, стереотипных формах речевого поведения в той или иной профессиональной сфере общения.

Более крупными формами речевого поведения субъекта интерпретации закона являются модели построения целого текста – речевые жанры. Как и любой другой, правоинтерпретационный дискурс представлен множеством речевых жанров: постановление правительства, постатейный комментарий, разъясни-

тельное письмо, юридическая консультация и мн.др. Каждый речевой жанр преследует, помимо основной – истолковательной, дополнительные – но оттого не менее важные – функции (конкретизировать правовое положение, оценить законодательные новеллы, применить правовую норму к конкретной ситуации и т.д.) и характеризуется особым набором структурных компонентов и языковых единиц.

Помимо речевых жанров, стереотипными формами речевого поведения являются конкретные сценарии профессиональной деятельности субъекта толкования, стратегии и тактики, используемые в рамках каждого конкретного целого текста. Безусловно, правотолкование является важным элементом профессиональной деятельности юриста – как практика, так и теоретика. Для ее успешного осуществления специалист должен в совершенстве овладеть эффективными сценариями этого вида профессиональной деятельности. В частности, ведущими в правоинтерпретационном дискурсе оказываются тактики объяснения, предупреждения и совета. Каждая из этих тактик реализуется своим особым набором языковых средств. Так, основными лексическими единицами выражения тактики объяснения являются следующие: *понимается, считается, правило понимания, являются* и др. Одним из эффективных приемов объяснения является легальная дефиниция того или иного термина – определение, сформулированное уполномоченными органами государственной власти и закрепленное в законе или ином нормативно-правовом акте: «...необходимо руководствоваться определением, приведенным в *постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.08.92. №11, согласно которому порочащими являются*

сведения, не соответствующие действительности, содержащие утверждения о нарушении гражданином или организацией действующего законодательства или моральных принципов (неправильном поведении в трудовом коллективе, быту, совершении аморального поступка), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица».

Тактика предупреждения используется тогда, когда специалист-юрист описывает какой-либо возможный или даже типичный план действий, который может быть реализован адресатом. Однако этот план действий приводит в конечном итоге к нежелательному или негативному результату. В таком случае специалист старается предупредить адресата о возможных негативных последствиях. Рассмотрим следующий фрагмент:

«Однако, начиная процедуру административного обжалования, предприниматель должен помнить и о ее «минусах».

Во-первых, практика показывает, что судебная процедура обжалования пока еще дает предпринимателю больше шансов на объективное рассмотрение его дела, нежели административная. Налоговики, разбирающие жалобу предпринимателя на решения своих коллег, и психологически, и в силу «честь-мундирных обстоятельств» больше настроены в пользу последних.

Во-вторых, если на заключительной стадии административного обжалования принято окончательное решение оставить жалобу предпринимателя без удовлетворения, предприниматель должен будет уплатить не только оспариваемую им сумму, но и насчитанную на нее пени за весь срок обжалования (исключая дни, на которые налоговый орган продлевает

(сверх положенных 20 дней) срок рассмотрения жалобы)[...]

Однако *если* организация вовремя не подаст жалобу на решение инспекторов, то они смогут списать со счета компании всю сумму претензий: и недоимку, и пени, и штраф. Конечно, потом можно обратиться в суд. Но даже выиграв дело, взыскать что-либо с ИФНС – это большая проблема. Так что придется проявить расторопность, чтобы не пропустить срок, в который можно оспорить решение инспекторов, и попросить суд о предотвращении списания денег со счета компании».

Предупреждение, как видим, обычно выражается сложноподчиненным предложением с придаточным условия. Как правило, предупреждение сопровождается подробным описанием последствий какого-либо действия (или бездействия) субъекта права. Используя тактику предупреждения, говорящий имеет своей целью известить адресата о последующих санкциях.

Оказывается, некоторые специфические разновидности речевого поведения в интерпретационном дискурсе становятся естественными, другие – неприемлемыми. К примеру, доктринальное (научное) толкование норм права не является официальным. Поэтому интерпретатор-ученый не использует тактику категоричного предписания, избирает такие языковые средства, которые обеспечат наибольший эффект убеждения адресата при реализации тактики совета или рекомендации: «*На наш взгляд*, определять дату совершения оборота необходимо с учетом следующего положения»; «Особо укажем, что *по нашему мнению*, нельзя считать договором подряда покупку»; «*Наиболее логично* в вашей ситуации было бы

попробовать поговорить еще раз с бывшей супругой и объяснить ей правовые последствия несоблюдения ею решения суда». В то время как тексты официального толкования изобилуют лексемами с должностно-предписующим значением *должны, обязаны*, конструкциями типа *следует понимать, следует руководствоваться* и даже глаголами повелительного наклонения, эксплицитно выражающими тактику предписания: «Налоговые органы не позднее следующего рабочего дня после получения от учреждений Банка России или кредитных организаций извещения [...] *должны направить* в учреждение Банка России или кредитную организацию информационное письмо о получении извещения»; «*Доведите* разъяснения до нижестоящих налоговых инспекций».

Еще один существенный компонент указывают исследователи дискурса – его *историческую и культурную обусловленность*, связь с историческим и культурным контекстом. Так, во всех культурах есть сфера правотолкования. Однако можно увидеть идиотические особенности в функционировании тех или иных правовых понятий, правовых институтов. Например, при толковании законов в США очень важен метод выяснения действительных намерений законодателя, поэтому там обязательно публикуются протоколы дебатов законодательных органов. Для российского правоинтерпретационного дискурса подобные обсуждения не являются чрезвычайно значимыми. В своей интерпретационной деятельности субъект толкования более склонен опираться на достижения науки, правоприменительную практику и терминологическое значение слов в контексте права в целом.

Другое отличие правовых систем современности заключается в следующем. «Нормы права в англосаксонских правовых системах носят весьма детальный, казуистический характер, ибо формулируются в виде прецедентов при решении конкретных казусов (дел). В статутах нормы права [...] выступают в виде правил более общего характера, однако [...] они должны конкретизироваться в прецедентах» (Черданцев 2001: 403). В то время как для российского законодателя идеальной является правовая норма, которая характеризуется обобщенностью содержания и тем самым регулирует огромное количество конкретных правовых ситуаций. Другими словами, речевое мастерство российского законодателя заключается в том, чтобы создать как можно более широкую по охвату ситуаций правовую норму.

Описанное отличие на практике проявляется в том, что в России практикующий юрист в ответ на вопрос обратившегося к нему гражданина разберет его ситуацию, применит к ней правовую норму (прописанную в законе) и сформулирует возможное решение по данному правовому вопросу, американский юрист, если нет прецедента, скажет, «что право по этому вопросу молчит, даже если есть норма закона, относящаяся к данному вопросу» (Черданцев 2001: 403–404).

Таким образом, описание любой дискурсивной формации многомерно. Рассмотренные в рамках статьи параметры дискурса толкования, безусловно, не исчерпывают всего многообразия отличительных признаков этого типа речемыслительной деятельности. Однако

мы попытались выявить некий набор наиболее значимых для правоинтерпретационного дискурса характеристик, которые позволят, с одной стороны, субъекту толкования создавать более

точные, понятные, доступные и т.д. тексты-интерпретации, с другой – адресату толкования адекватно воспринимать и понимать информацию, заложенную автором.

summary

Σ Interpretational Discourse in the Legal Sphere of Communication

Interpretation of law is a specific form of juridical discourse. Communication participants in the process of law interpretation are the lawyer (the expert who is in possession of juridical knowledge) and the nonexpert (who is transmitted the meaning of legislative intents in available form). In consequence of law interpretation originates a group of texts, which is aimed at interpretation and is marked by the specific organization of linguistic units of different levels.

Литература

- Акимова 2006: **Акимова, О. В.** Типы профессионального дискурса. – In: 111 Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. – Труды и материалы. – В 2 т. – Казань. – С. 36–38.
- Алексеев 1981: **Алексеев, С. С.** Общая теория права. – В 2-х т. – Т. 2. – Москва. – 290 с.
- Кругосвет: **Энциклопедия «Кругосвет».** Режим доступа: www.krugosvet.ru, свободный.
- Карташов 1989: **Карташов, В. Н.** Понятие и структура юридической деятельности. – In: Юридическая деятельность: сущность, структура, виды. – Ярославль. – С. 12–32.
- Карташов 1998: **Карташов В. Н.** Введение в общую теорию правовой системы общества. Часть 4. Интерпретационная юридическая практика. – Ярославль. – 92 с.
- Кашкин 2000: **Кашкин В. Б.** Введение в теорию коммуникации. – Воронеж. – 175 с.
- Кожина 2004: **Кожина М. Н.** Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций. – In: Текст – Дискурс – Стилль. – Санкт-Петербург. – С. 9–33.
- Макаров 2003: **Макаров М. Л.** Основы теории дискурса. – Москва. – 280 с.
- Степанов 1995: **Степанов Ю. С.** Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. – In: Язык и наука конца XX века. – Москва. – С. 35–73.
- Филлипс 2004: **Филлипс Л., Йоргенсен М. В.** Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков. – 336 с.
- Черданцев 1979: **Черданцев А. Ф.** Толкование советского права. – Москва. – 168 с.
- Черданцев 2001: **Черданцев А. Ф.** Теория государства и права. – Москва, 2001. – 432 с.

МАРИЯ А. ШИРИНКИНА

- Чернявская 2002: **Чернявская В. Е.** Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели и направления. – In: Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь. – С. 122–136.
- Чернявская 2003: **Чернявская В. Е.** Дискурс. – In: Стилистический энциклопедический словарь. – Москва. – С. 53–55.
- Чернявская 2006: **Чернявская В. Е.** Дискурс власти и власть дискурса. – Москва. – 136 с.